

Поэзия Александра Солодовникова: эстетика и мировоззрение

Рассмотрен феномен религиозной поэзии Александра Солодовникова, поэта — узника ГУЛАГа. Задача, поставленная в работе, — определить ее эстетические принципы и установить, как христианское мировоззрение проявляется в образно-поэтическом осмыслении мира и человека. Для анализа выбраны важнейшие составляющие внутреннего устройства поэта-христианина: отношение к страданию и смерти, устремленность к смирению и покаянию, вера в Промысл и похвала Творцу, а также внешние объекты его поэтической рефлексии — природа, время, история, судьба России, древнерусская культура, научный прогресс. Предмет исследования — библейский контекст творчества: использование евангельских реминисценций как смысловых опор стихотворения; развитие поэтом псалмической традиции. Сделан вывод о принципиальном отличии эстетических принципов поэзии Солодовникова от современной светской культуры: центром его поэтической системы становится не субъективное восприятие явлений и событий, а сам религиозный образ.

Ключевые слова: Александр Солодовников, русская поэзия, христианское мировоззрение, православная культура, самиздат.

The article deals with a phenomenon of religious poetry of Alexander Solodovnikov, who was a poet-prisoner of GULAG. The research problem is to define the esthetic principles of his poetry as well as to reveal how the Christian outlook manifests itself in art comprehension of the world and the man. The most important components of spiritual life of the Christian poet are chosen for the analysis: relation to suffering and death, tendency to humility and repentance, faith in Providence and praise to the Creator. Such external objects of his poetic reflection as the nature, time, history, the fate of Russia, Old Russian culture and scientific progress are also analyzed. A subject of consideration is also the bible context of his creativity, namely using of evangetic reminiscences as a semantic support of the poem and the development of an old psalm tradition. Observations over texts allow to conclude that the ethic and esthetic principles of Solodovnikov's poetry have the fundamental difference from modern secular culture. The center of his poetic system is not the subjective perception of the various phenomena and events but a religious image itself.

Keywords: Alexander Solodovnikov, Russian poetry, Christian worldview, orthodox culture, samizdat.

DOI 10.20339/PhS.2-20.078

Творческое наследие русского поэта XX в. Александра Александровича Солодовникова (1893–1974) далеко не в полной мере освоено литературоведением. Одна из причин в том, что его стихотворения публиковались в самиздате, были известны узкому кругу читателей и лишь на рубеже 1990-х гг. стали появляться на страницах периодики. Только в XXI столетии благодаря усилиям Е.Е. Данилова и А.П. Шпаковой появились сборники, в которых наследие Солодовникова представлено наиболее полно [1–3]. Эти книги открыли читателям большого и своеобразного поэта.

Его имя можно рассматривать в разных категориальных рядах. Солодовников — яркий представитель *лагерной литературы*: значительная и лучшая часть стихотворений написана им в заключении. Его рукописные сборники «Слава Богу за все. Попутные песни» (1965) и «Дорога жизни. Путь познания» (1973) — неотъемлемая часть истории *русского самиздата* 1960–1970-х гг. Можно говорить о личности поэта и композитора в контексте *музыкальной культуры* [4].

Но главнейший признак поэзии Солодовникова, выделяющий его среди собратьев по перу, — воплощенное в ней *христианское мировоззрение*. Оно ощутимо в каждом стихотворении, поскольку автор, человек глубоко верующий, писал без оглядки на цензуру. Не случайно исследователей привлекает в первую очередь именно этот аспект. Рассматривая творчество поэта в контексте православной духовности и культуры, Т.И. Меркулова уделяет внимание религиозному образу как центру поэтической системы [5], Ю.Н. Золотых анализирует феномен «воцерковленного типа художественного сознания» [6], И.В. Комарова исследует символику

преображенного времени [7] и пространственную парадигму поэзии Солодовникова, концепцию духовного человека [8] и новозаветные мотивы в его творческом сознании [9]. Цель настоящей работы — расширить представление об этом феномене христианской поэзии, сосредоточить внимание на ее эстетических принципах, чтобы понять, каким образом религиозное мирозерцание преломляется в художественно-образном осмыслении мира и человека.

Как показывает опыт словесности Нового времени, задача воплощения христианского мировоззрения в поэтическом слове весьма непроста для автора. Размышляя о духовном творчестве светских авторов, православный богослов святитель Игнатий (Брянчанинов) писал:

Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца евангельские ощущения. <...> Когда усвоится таланту Евангельский характер (а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою), тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято. <...> Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им [10. С. 546–547].

Признавая «прекрасный стих» в религиозных творениях Державина, Жуковского и других поэтов, он решительно отвергает их суть: «Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело! Не знают они — какое преступление: преоблачать духовное, исказить его, давая ему смысл вещественный!» [11. Т. 2. С. 474].

Нужно подчеркнуть: в этих строгих строках речь не идет об искусстве как таковом, мысль святителя направлена на творчество, претендующее быть «духовным», говорить о Боге и христианской вере. Таких художников, которые следовали бы по пути, указанному святителем Игнатием, — а по сути это путь личной святости — не знала большая литература Нового времени. В этом отношении фигура Александра Солодовникова уникальна для русской словесности. Его поэзия не просто «религиозна», «философична» или «мистична». Она приближается к тому, что, пользуясь богословской формулой, можно назвать «точным изложением православной веры» ее онтологии и антропологии.

Для русских художников XX век стал временем скорбей и мытарств, судьбы многих из них оказались трагичны. Но даже на этом фоне Солодовников выделяется особенно тяжким опытом страданий. Напомним драматические страницы его биографии. Он родился в Москве, окончил Императорскую академию коммерческих наук и юридический факультет Московского университета. В 1919-м был арестован и направлен в концлагерь под Саратовом, освобожден в 1921-м. В заключении пережил духовный перелом, приведший его в Церковь. Работал экономистом, общался с известными московскими пастырями. Таланты его были многогранны: прекрасный актер, живописец, историк-археолог. Автор нескольких пьес. В 1920–30-е гг. в его семье устраивались домашние спектакли, приуроченные к Рождеству или Пасхе. Любовь к музыке он пронес через всю жизнь, свои стихи пел, аккомпанируя на рояле.

В начале 1930-х гг. Солодовников понес большие утраты: умерли родители, затем малолетние дети — сын и дочь. Братья поэта за религиозные убеждения были отправлены в ссылку. Сам он трижды подвергался арестам. В 1939 г. по обвинению в «переписке с иностранной подданной» (сестрой Анной, солисткой Королевской оперы в Брюсселе) осужден на восемь лет и отправлен в колымские лагеря. Выйдя из заключения, жил в Магаданской области «на принудительном поселении» и лишь после реабилитации в 1956 г. вернулся в Москву. В тюрьмах, лагерях и ссылках он провел в общей сложности 19 лет.

Все творческое наследие Солодовникова отражает картину христианского духовного устройства автора. Если иконопись считают «умозрением в красках», то стихи поэта можно назвать «богословием в рифмах». «Вера в Бога и жизнь по этой вере — вот аксиологическая основа его творчества. Поэзия <...> отмеченная необычайной внутренней духовной красотой. В ней нет ни тени озлобленности, надломленности, неизжитого страха», — отмечал Н. Соколов [12. С. 103].

В чем же секрет его поэтического слова? Первое, что бросается в глаза: в стихах почти нет многозначных символов, амбивалентных образов, захватывающих воображение метафор. Нет никакой туманной мистики. Эстетические основы его поэзии — ясность мысли, отточенность стиля, некоторый аскетизм поэтического языка — не в последнюю очередь имеют своим истоком евангельские заветы. Вот к чему стремится поэт:

Чистая дева Мария,
Всем печальница грешным Ты,
Пошли мне не мудрость змия,
Но детский талант простоты [1. С. 95].

[Ср.: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16)].

Поэзия Солодовникова отражает христианскую антропологию. А в ней существенно значимым является представление об «умном сердце» — средоточии человека как «храма Божьего». В раннем, дореволюционном, стихотворении «Предчувствие» (1916) поэт признается, что ощущает в своем сердце некое «неразгаданное знание» [1. С. 221]. В трудных жизненных перипетиях это знание открывается ему. И в одном из последних своих стихов «Новорожденному» (1970) он напоминает, какую Истину должно познать сердце человеческое. Здесь вполне проявляется чаемый поэтом «талант простоты», соединяющийся, конечно, и с мудростью прожитых лет. Стихи обретают афористичность благодаря умению подобрать безыскусные и точные слова для выражения мысли:

Вся жизни нашей красота,
Надежда наша, свет и знамя
Сокрыты в образе Христа.
Держи Его в сердечном храме [1. С. 173].

Проследим, как христианское мирознание проявляется в образно-поэтическом осмыслении явлений и событий действительности. В литературном наследии Солодовникова можно выделить несколько идейно-тематических доминант. Стихотворения, посвященные тюремному заточению, пожалуй, самые сильные, выразительные и глубокие в его творчестве. Мировое зло, страдание, мученичество — эти темы в силу исторических причин стали особенно актуальны для литературы XX в. Сколь многие таланты не в силах вынести окружающее зло, погружались во мрак, впадали в отчаяние, приходили к творческой исчерпанности или сводили счеты с жизнью. Этому пути счастливо избежал Солодовников. Он рано почувствовал присутствие надмирной силы, которая поддерживала его, помогла идти над стихией тьмы, не позволяя ей захватить душу. Поэт преодолевал грех уныния, как известно, один из семи «смертных» грехов.

В стихотворении «Той черной бездны глубину измерить...», созданном в неволе в период 1919–1921 гг., во время первого заключения, Солодовников описывает свое то ли видение, то ли сон, то ли внутреннее переживание: «Я умирал... Обречен был смерти, / Все кругом меня погружалось в смерть». Как и Иван Шмелев, выразивший всю глубину своего отчаяния в эпопее «Солнце мертвых», он тоже страшится «увидать солнца черный труп». Но спасение близко:

Смертельная тоска и смертная тревога
Вздохом радости разрешилась вслух.
Я почуял жизнь и почуял Бога,
И выиграл во мне оживленный дух [1. С. 235].

Возникает «солнечной любви золотая нить», и путь пролегает уже не над пропастью, но «в Божьем цветнике» — герой оказывается в мире ином, в райском бытии. По отношению к иным авторам такие строки казались бы легковесной игрой ума, но в поэзии Солодовникова они имеют силу правды, поскольку рождены реальным опытом и страданий, и утешительных прозрений.

Уже в ранних стихах, написанных во время первого заключения, присутствует главная тема будущих тюремных циклов: внутренняя свобода и благодарение Бога. Позже возникнут строчки, которые можно поставить эпиграфом к судьбе поэта:

Темница, чем жестче,
Суровой и темней,
Тем солнечней в роще
Души моей [1. С. 129].

Многие тюремные стихотворения являют собой молитвы («На ночной одинокой молитве в лагере» — подзаголовок одного из них), в которых, однако, нет ни жалоб, ни прошений об облегчении участи, нет вообще никаких «требований» — одна только любовь и благодарность:

О, Ласковый! Пусть
Развеется прахом тяжелое тело.
Мне сладко с Тобой...
Как тихо в Тебе!

На молитве <1919–1921>

[1. С. 236]

Запоры крепкие, — спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.

Решетка ржавая, спасибо..., 1920-е

[1. С. 131]

В тюремной и лагерной поэзии Солодовникова нет ни озлобленности, ни страха, ни попыток пробудить сострадание к собственной личности. Поэт выражает свое доверие Отцу и принятие Его спасительной воли: «Как дерево в саду, Ты подстригал меня...». Цитаты из Священного Писания, включенные в текст, часто становятся смысловой опорой, камертоном всего стихотворения, как например:

«Всякий огнем осолится,
Имейте соль в себе...».
Не огонь ли — моя темница,
Не соль ли — в моей судьбе? [1. С. 130].

[Ср.: «Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится. <...> Имейте в себе соль, и мир имейте между собою» (Мк. 9: 49–50)].

Тема смиренного принятия страдания отливается в чеканную классическую форму:

Кто не изведал боль потери
Безмерной, как пучина звезд,
Тому в великой нашей вере
Еще не драгоценен крест [1. С. 273].

С 1934 г. в творчестве поэта появляются стихи, которые он впоследствии объединил в раздел под названием «Утраты» (здесь и далее имеются в виду разделы его самиздатовских сборников). Это попытка осознать с христианских позиций гибель самых близких людей. Подлинный смысл жертвы может дать только христианство. Прообразование Крестной жертвы Спасителя — история Авраама, готового отдать Богу жизнь своего «любимого, ласкового ребенка», она поэтически воплощена в стихотворении «Вера Авраама», где утверждается вера «в благую премудрость Творца». Та же тема, но уже применительно к новозаветной истории, звучит, например, в цикле «Пречистой». Описывая икону Божией Матери, именуемую Страстной, автор находит слова, передающие глубоко православный смысл образа:

Не сводит глаз с орудий пыток —
Судьбы своей Младенец Твой
И, словно требуя защиты,
За Мать хватается рукой.

Но Ты, смиряясь благодатно,
И веря в Божью правоту,
Несешь Младенца невозвратно
Навстречу пыткам и кресту.

Образ Страстной Богоматери <1931–1937> [1. С. 94]

Тема смерти не могла быть обойдена автором, который оказался свидетелем кончины многих близких и неблизких людей. Сознание конечности земного бытия присутствует в его стихах постоянно. Но смерть не вызывает ужаса, потому что неизменно сопрягается с воскресением. Пронзительны строчки стихотворения «Вербная всенощная» (1961). Перебирая распускающиеся почки вербы, поэт видит в каждой из них кого-то из умерших: «Пушистые шарики трогаю я — / Вот этот — умершая дочка моя...» Перечисление все длится и длится

(названы «друг мой расстрелянный», «брат мой замученный» и другие), кажется, ему не будет конца, а лирический герой остается совсем одиноким в мире. Но вдруг меняется регистр, радостное пение обещает «всем воскресение», оттого «трепетны свечи радостью встречи», и венчает текст акцентированная финальная строка: «Смысл уясняется в каждой судьбе. Слава Тебе!» [1. С. 100–101]. Значит, и в судьбе погибших проявился непостижимый до времени Божий Промысл. «Я научен опытом жизни видеть во всем смысл и твердо верю, что ничто не бывает случайным...», — писал Солодовников [Там же. С. 63].

Уместно сопоставить стихи Солодовникова и его современника Бориса Пастернака, в чьем творчестве христианские мотивы, образы жизни и смерти также были значимыми. В близком по тематике к «Вербной всенощной» стихотворении Б. Пастернака «*Душа моя, печальница...*», написанном пятью годами ранее (1956), выражена та же скорбь по друзьям и близким, «замученным живьем». Душа поэта — «рыдающая лира» — хранит их прах, лексическая градация подчеркивает ужас распада, безвозвратного уничтожения (*могильная урна, трупная пыль, погостный перегой*). За пределы «души-усыпальницы» лирического героя художественное пространство стихотворения не выходит. У Солодовникова это пространство, словно луч, пронизывает радость воскресения. Души усопших не превращаются в прах — они рядом, невидимые, но живые. Схожее философское осмысление человеческой жизни встречаем в цикле «Две заутрени», где сопоставлены пасхальные службы 1914 и 1960 гг.:

В домовой церкви тлеет золото,
Поблескивая в полумраке.
На грудь сестры сирень приколота,
Вся в белом мать, отец во фраке... —

так видит мир юноша, только начинающий жизнь. И вот образы пасхальной службы через полвека:

За возносящимися дымами,
В сиянии паникадил
Мне мнится — полон храм любимыми,
Которых я похоронил.

На склоне лет все сильнее надежда на встречу с родными в жизни иной:

Там мама празднично лучистая, Отец с улыбкой доброты, Головка дочки шелковистая И братьев милые черты.	Но отдален решеткой кованой От мира тайны и чудес, Молюсь: да будет уготовано Обнять их мне... Христос Воскрес! [1. С. 104–105].
---	--

Мир скорбящей души героя размыкается, в него вливается пасхальная радость, рожденная праздником торжества жизни вечной над смертью.

Наряду со смирением в стихах Солодовникова есть и другая важнейшая категория духовной жизни — покаяние. Афористичная строка из одноименного стихотворения выражает сознание своей греховности и рождающуюся от него надежду:

Но Господу все возможно:
Он даже меня простит.
Покаяние <1919–1921> [1. С. 164].

Уникально в этом отношении стихотворение «Автопортрет». В многообразных автопортретах — живописных ли, поэтических или прозаических — художники, как правило, стремились отразить свои далеко не худшие качества. У Солодовникова только перечисление собственных грехов, в том числе и постыдных, и мелких («Мог пировать средь по духу чужих, / Мог промолчать при заведомой лжи. / Мог быть уклончив, позорно труслив, / Тайно мечтателен и похотлив» [1. С. 165], вслед за которым мольба к Богу о милосердии. При этом сознание того,

что «даже покаянье способно походить на самолюбование» [Там же. С. 168], говорит о тонкости и глубине души христианина.

Рефлексия по поводу творческой личности художника все же имеет место и в его стихах. Вслед за знаменитыми «Памятниками» русских классиков Солодовников оставляет и свой, назвав его скромно «Пчела». В чем же его призвание и главное делание? Вот оно: «И молюсь, и пою, / Бога дивного хвалю». Поэт надеется, что в неумолчном хоре славящих Творца «прозвонит и этот стих» [Там же. С. 182].

Уместно сказать о псалмической составляющей творчества поэта. Солодовников продолжает древнюю библейскую традицию: сотворение псалмов и гимнов, в красоте тварного мира открывающих бессмертную первозданную красоту Божества. Истоком своим раздел «Гимны» имеет псалмы Давида, где выражена похвала Создателю: «Всякое дыхание да хвалит Господа...» (Пс. 150: 6). А стихотворение «Риза Господня», необычное по форме (пронумерованные двустихия, где речь идет о реках и цветах, дорогах и птицах, долинах, горах, малых детях) и закольцованное строками «И в старину, и вчера и сегодня / Земля наша — светлая риза Господня» («Риза Господня», 1960 [1. С. 89]) прямо соотносится со 148-м псалмом [ср.: «Хвалите Господа <...> горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры, звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые, цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки да хвалят имя Господа...» (Пс. 148: 9–13)].

Гимны перекликаются с многочисленными стихами раздела, озаглавленного «Природа». В натурфилософских стихах русской поэзии — от Тютчева до Заболоцкого — природа выступает как таинственная стихия, чьи истоки неведомы, не разгаданы ее «душа» и «язык», а к человеку она равнодушна или прямо враждебна. Часто заметна пантеистическая окраска этих размышлений. У Солодовникова представления о мире вполне отчетливы и последовательны. Природа для него вовсе не предмет вопрошаний или разгадывания. Суть ее можно определить одним исчерпывающим словосочетанием — *мир Божий*. У этого мира есть создатель, и все живое обязано своим существованием единому «Жизнедавцу». Место обычного для светской поэзии понятия «тайна жизни» у Солодовникова занимает словосочетание «чудо жизни». Различие двух слов отражает глубинную противоположность творчества светского и духовного. Ведь чудо потому и называется чудом, что не предполагает никаких объяснений: его можно только принимать и радоваться ему.

Воспевая красоту «Божьего художества», Солодовников использует и другое знаковое слово — *творение*. «Творящая сила Отца» тихо, неслышно проявляется в полете облаков, в цветах и деревьях («Творящая тишина» [1. С. 198]). Поэтому Всевышний именуется Художником, а описания природы заканчиваются осанной:

Славословлю Творца и Автора
Потрясавших меня страниц.
Не могу вспоминать их наскоро,
Перед каждою падаю ниц.

Книга жизни почти дочитана..., 1971 [1. С. 207].

Философские размышления поэта о времени, истории, даже когда не идет речь о религиозных реалиях, всегда имеют христианский подтекст. О слушающих и неслышащих, о глядящих и невидящих, не внемлющих гласу Небес (Мф. 13:14–15) эти стихи:

В оркестре жизни скрипок ветер
Нездешней веет высотой,
Но мы не в зале, а в буфете,
И равнодушны к песне той.
И погрузившись беспробудно
За рюмкой водки в анекдот,
Воспринимаем жизнь как будни,
Когда История поет.

Напев трагической эпохи
Кто услышал и кто постиг?
Мы не жрецы и не пророки,
И чужд священный нам язык.
В оркестре жизни скрипок ветер...,
1930-е [1. С. 276]

Пение вселенной, мелодия истории — такие образы рождаются в стихах поэта, наделенного и музыкальным даром. Он ощущает некое поступательное и таинственное движение мироздания, и ему хочется, чтобы каждый почувствовал эту мелодию и в ходе времен нашел свое место:

Все мы плывем во всемирном течении.
Слава тому, кто нашел и сберег
В вечной струе золотое мгновение.
Горная речка несется, шумит..., ок. 1946 [1. С. 277]

Тема России в художественном мире Солодовникова не является первостепенной: его богословско-поэтическая мысль сразу выходит на вселенский масштаб. Но, конечно, он не мог не откликаться на судьбы родины:

Кто по Кремлю как русский проходил,
А не бежал туристом одержимым,
Тому над Русью кров небесных сил
И близость темной силы ощутимы [1. С. 125].

Исторический путь русских в XX в. дихотомичен: на одном полюсе злорадия и безбожие, на другом — вера и мученичество. Особое напряжение возникает, когда эти два полюса волею судеб прижаты друг к другу:

Вместе — иннок, вор и я
Заперты в вагон.
Нас ведет История
Под крутой уклон.

И тогда резче и отчетливее видно, что народ, согласно евангельской притче о сеятеле (Мф. 13:24–30, 37–43), делится на зерна и плевелы:

Как при электролизе,
Человечий род
К двум различным полюсам,
Разделясь, идет.
На этапе в 1938 г., 1961 [1. С. 132–133]

Редкая в творчестве поэта тема возмездия и праведного Суда Божия возникает в стихотворении «День гнева», написанном в 1920-е гг. Начинается оно словами «Пусть проходит мир...», из дальнейшего становится ясно, что под миром имеется в виду совокупность человеческих страстей, суетных и мелких дел, впрочем, привязанных к конкретному времени и месту. Угадывается казенщина советской действительности: бесконечные собрания и споры, конторы и банки, трамвайный гул. Такой мир в сути своей безбожный, если не богоборческий, не имеет ценности, и поэт в размеренных строках редкого в русской поэзии пятистопного анапеста призывает:

Пусть расплавятся рельсы, разрушатся склады и банки,
И в неистовстве бури, в дожде ослепительных стрел,
Пусть прекрасный, разгневанный огненный ангел
Сожжет без остатка архив человеческих дел [1. С. 265].

В 1960-е гг. Солодовников посвятил ряд стихотворений актуальной тогда теме научно-технического прогресса («Атомный век», «Человек на Луне», «Кибернетики дары»), опасность которого видит в близкой реальности тотального контроля над человеческими массами («Вражья сила»). По мнению поэта, мечты о том, что «космос» и «атом» дадут людям ослепительное счастье, не более чем обольщение. Таким образом, автор включился в извест-

ный творческо-философский спор «лириков» и «физиков», но привнес в него вертикальное, религиозное измерение. Как поэт, он, конечно, ближе к «лирикам», но с существенным отличием: если те отстаивали ценности душевно-чувственные, то Солодовников пишет о ценностях Духа. И достижениям «физиков» противопоставляет не светскую поэзию, а Евангелие. Герой стихотворения «Смотря на детей», некогда «доверчивый мальчик», лишь на пороге смерти осознает, что жизнь — «это к Вечности приготовлень», что он не успел собрать «богатства другие — сокровища сердца» [1. С. 179–180]. Вместе с тем в стихотворении «В новом районе» сближаются апостол (Павел) и физик (Нильс Бор) — оба по-своему говорят о «безумности» Истины для мира [Там же. С. 124].

В стихах Солодовникова можно обнаружить православное осмысление культуры, основанное на глубоком проникновении в суть поэзии. Таковы, например, строки о Есенине:

Как птица поет Есенин,
И в его соловьином даре,
В берущем за сердце пеньи —
Тоска всей земной твари,
Не знающей Воскресенья.
Есенин, 1960 [1. С. 303]

В 1960-е гг. возник интерес к искусству Древней Руси, но к духовной основе этой культуры пришли немногие и не сразу. «Черные доски» икон вызывали восторг у В. Солоухина, становились предметом эстетического любования; для интеллектуалов культовым стал фильм А. Тарковского «Андрей Рублев» (1966), затем беспощадно раскритикованный А. Солженицыным (среди упреков — подмена христианства гуманистическими интенциями, изображение героя как переодетого «интеллигента», равнодушие к вечностному смыслу иконописи, искажение эпохи, в действительности бывшей временем национального подъема и др.) [13. С. 157–167]. Для верующего эстетическая ценность иконы не является главенствующей, а помещение ее в разряд «экспонатов» или предметов коллекционирования выглядит и вовсе кощунственно. В стихах Солодовникова «Андрей Рублев» (написанных в 1961 г., за пять лет до выхода фильма) запечатлена эта боль:

Ценители ввели Рублева
В ряд великанов мировых.
Но инок тот глядит сурово
На почитателей своих.
Его непонятое слово
Неуяснимо для глухих [1. С. 118].

На эту же тему цикл «В Успенском соборе» и стихотворение «Святая Русь». Она не в музеях и не в томах памятников древнерусской литературы; подлинная извечная Россия — среди молящихся в храме, в «народе церковном», где плечом к плечу стоят и простые старушки, и ученые мужи [1. С. 120].

Итак, можно утверждать, что вклад Солодовникова в русскую поэзию — система реализованных в его творчестве ценностных и эстетических принципов, во многом отличных от светской культуры. Характерным для секулярной культуры Нового времени стало явление, когда художник вольно или невольно подменяет христианское мировоззрение, догматику и антропологию своими интерпретациями. По словам святителя Игнатия (Брянчанинова), литераторы светские, пишущие о духовных предметах, «постоянно ниспадают в свое чувственное и святое духовное переделывают в свое чувственное. Душа не находит в них удовлетворения, пищи» [2. Т. 1. С. 457]. Вот этой «переделки», этой чувственной самости как раз нет в стихах Солодовникова. Поэт занимает позицию не «творца», эстетизирующего действительность, конструирующего свой собственный мир, но «свидетеля и участника по отношению к жизни, воспринятой как Таинство... Он — участник ежечасного чуда Преобра-

жения земли, человека Духом Святым» [5. С. 98]. Установка поэта не на рассудочность, но на причастность Истине и Жизни выражена, например, в строках: «Молитва — не от рассуждения, / А от восхищения» [1. С. 261]; «Уж я не бьюсь в сетях словесных, / Ища причин добру и злу, / Но в ожиданье тайн чудесных, / Надеюсь, верю и люблю» [Там же. С. 131].

При этом происходит теснейшее сращение собственно духовного образа с поэтическим, что отличает автора от других художников религиозной тематики. Эту особенность точно определила Т.И. Меркулова, сопоставив творчество А. Солодовникова и Б. Пастернака: «Сосредоточенный на собственных постижениях области духовной, лирический герой Б.Л. Пастернака за своими ощущениями рискует не увидеть само явление», он остается по ту сторону духовного события, его строки — «экстатический поток переживаний по поводу религиозного образа», в котором культ самоощущений подменяет духовно-молитвенный настрой. В то время как поэзия Солодовникова «трансцендентна душевной области и по форме, и по сути». Центром его поэтической системы становится сам религиозный образ, «диктующий законы духовной жизни человеческой душе» [5. С. 97–98]. Эту систему можно уподобить обратной перспективе иконы, с которой смотрит на зрителя изображенный на ней мир, в отличие от ренессансного эстетического антропоцентризма.

Поэзию Солодовникова отличает разнообразие размеров и свежесть рифм. Широко используя интонационно-ритмические находки поэзии XX в., автор обрел свой индивидуальный поэтический язык, его отличительные особенности — ясность мысли и четкое обозначение духовных предметов не метафорическими, а реальными именами. Его стихи не *душевные*, а *духовны* (в богословском смысле этих терминов). Как отмечает И. Комарова, реалии в его стихах есть «след Божий на земле, а не отражение внутреннего состояния лирического героя» [7. С. 26–27]. Поэтому его поэзию можно определить как *духовный реализм*.

Доверчивость, открытость поэта читателю вызывает щемящее чувство сопереживания. В эпоху кризиса культуры, распада традиционных ценностей лирика Солодовникова противостоит дисгармонии современного мира. Поэт не был угрюмым анахоретом, напротив, «это был яркий человек с большим чувством юмора, исполненный доброты к окружающим, солнечный и жизнелюбивый...» [14. С. 9–10]. Пожалуй, лучше всех о его творчестве сказал первый исследователь и публикатор его наследия Евгений Данилов: «...Поэзия Солодовникова — поэзия многоуровневая и неисчерпаемая, вся исполненная духовной радости. Творчество Александра Солодовникова — это огромный и прекрасный мир, воистину тот “светлый сад христианства”, пребывание в котором очищает и возвышает душу...» [Там же. С. 69].

Уникальное во многих отношениях, самобытное слово поэта заслуживает дальнейшего обстоятельного, многоаспектного изучения и широкого введения в современный научный и читательский обиход. Его имя должно войти в образовательные программы высшей школы, занять подобающее место в трудах по истории русской культуры.

Литература

1. Солодовников А.А. «Я не устану славить Бога...»: избран. стих. / сост., коммент. Е.Е. Данилова, А.П. Шпаковой; вступ. статья Е.Е. Данилова, мемуарный очерк А.П. Шпаковой. М.: Паломник, 2006. 415 с.
2. Солодовников А.А. «...В светлом саду христианства» / сост., предисл., коммент. Е.Е. Данилова, А.П. Шпаковой. М.: Гриф и К, 2010. 1058 с.
3. Солодовников А.А. Сеймчанский след: сб. стих. / сост. С.В. Будникова, А.П. Шпакова. Магадан; СПб., 2017. 382 с.
4. Данилов Е.Е. Александр Солодовников — поэт и композитор // Музыка и время. 2006. № 9. С. 14.
5. Меркулова Т.И. Преображение жизни и творчества. О современной духовной поэзии // Литературное обозрение. 1992. № 7–8–9. С. 96–99.
6. Золотых Ю.Н. Воцерковленный тип художественного сознания в поэтическом мире И. Шаховско-

References

1. Solodovnikov A.A. «Ya ne ustanu slavit' Boga...»: izbran. stikh. / sost., komment. E.E. Danilova, A.P. Shpakovoi; vstup. stat'ia E.E. Danilova, memuarnyi ocherk A.P. Shpakovoi. Moscow: Palomnik, 2006. 415 s.
2. Solodovnikov A.A. «...V svetlom sadu khristianstva» / sost., predisl., komment. E.E. Danilova, A.P. Shpakovoi. Moscow: Grif & K, 2010. 1058 s.
3. Solodovnikov A.A. Seimchanski sled: sb. stikh. / sost. S.V. Budnikova, A.P. Shpakova. Magadan; St. Petersburg, 2017. 382 s.
4. Danilov E.E. Aleksandr Solodovnikov — poet i kompozitor // Muzyka i vremia. 2006. No. 9. S. 14.
5. Merkulova T.I. Preobrazhenie zhizni i tvorchestva. O sovremennoi dukhovnoi poezii // Literaturnoe obozrenie. 1992. No. 7–8–9. S. 96–99.
6. Zolotykh Ju.N. Votserkovlenniy tip khudozhestvennogo soznaniia v poeticheskom mire I. Shakhovsk-

го и А. Солодовникова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 4(37). С. 142–146.

7. Комарова И.В. Символика преображенного времени в поэзии Александра Солодовникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 25–29.

8. Комарова И.В. Социальное и духовное в поэзии Александра Солодовникова (на материале цикла «Тюрьма») // Православный ученый в современном мире. Духовно-нравственная культура и цели российского образования: новации, преемственность, мировоззренческие парадигмы: материалы 3-й Международной научно-практической конференции, Сергиев Посад, 16 октября 2014 г. Воронеж: Истоки, 2014. С. 326–330.

9. Комарова И.В., Бердникова О.А. Новозаветные мотивы в творческом сознании А.А. Солодовникова // Православный ученый в современном мире: материалы 2-й Международной научно-практической конференции, Воронеж, 4–6 октября 2013 г. Воронеж: Истоки, 2013. С. 37–42.

10. Игнатий (Брянчанинов), свт. Христианский пастырь и христианин художник // Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание творений: в 5 т. М.: Паломник, 2014. Т. 5. С. 544–549.

11. Игнатий (Брянчанинов), свт. Полное собрание писем: в 3 т. М.: Паломник, 2011.

12. Соколов Н., свящ. Воспоминания над могилой поэта // Поэзия. 1990. № 56. С. 101–104.

13. Солженицын А.И. Фильм о Рублеве <1983> // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. Т. 3. С. 157–167.

14. Данилов Е.Е. «Путиами скорби и любви...». Жизнь и судьба Александра Солодовникова // Солодовников А. «Я не устану славить Бога...»: избран. стих. М., 2006. С. 7–70.

ого i A. Solodovnikova // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2013. No. 4 (37). S. 142–146.

7. Komarova I.V. Simvolika preobrazhennogo vremeni v poezii Aleksandra Solodovnikova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Filologiya. Zhurnalistika. 2015. No. 4. S. 25–29.

8. Komarova I.V. Sotsial'noe i dukhovnoe v poezii Aleksandra So-lodovnikova (na materiale tsikla "Tjur'ma") // Pravoslavnyi uchenyi v sovremennom mire. Dukhovno-nravstvennaia kul'tura i tseli rossiiskogo obrazovaniia: novatsii, preemstvennost', mirovozzrencheskie paradigmy: materialy 3-i Mezh-dunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sergiev Posad, 16 oktiabria 2014 g. Voronezh: Istoki, 2014. S. 326–330.

9. Komarova I.V., Berdnikova O.A. Novozavetnye motivy v tvorcheskom soznanii A.A. Solodovnikova // Pravoslavnyi uchenyi v sovremennom mire: materialy 2-i Mezh-dunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 4–6 oktiabria 2013 g. Voronezh: Istoki, 2013. S. 37–42.

10. Ignatii (Brianchaninov), svt. Khristianskii pastyr' i khristianin khudozhnik // Ignatii (Brianchaninov), svt. Polnoe sobranie tvoreni: v 5 t. Moscow: Palomnik, 2014. T. 5. S. 544–549.

11. Ignatii (Brianchaninov), svt. Polnoe sobranie pisem: v 3 t. Moscow: Palomnik, 2011.

12. Sokolov N., sviashch. Vospominaniia nad mogiloi poeta // Poeziia. 1990. No. 56. S. 101–104.

13. Solzhenitsyn A.I. Fil'm o Rubleve <1983> // Solzhenitsyn A.I. Publitsistika: v 3 t. Iaroslavl': Verkhniaia Volga, 1997. T. 3. S. 157–167.

14. Danilov E.E. "Putiami skorbi i liubvi...". Zhizn' i sud'ba Aleksandra Solodovnikova // Solodovnikov A. "Ja ne ustanu slavit' Boga...": izbran. stikh. Moscow, 2006. S. 7–70.

Любомудров Алексей Маркович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Lyubomudrov Alexey M.,

Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute
of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences

e-mail: anketaspb@yandex.ru

